

Записки судмедэксперта

Автор:

Андрей Ломачинский

Записки судмедэксперта

Андрей Анатольевич Ломачинский

Звезда соцсети

Самые простенькие ситуации в этой книге во многом рассматриваются с позиций судмедэксперта. А судмедэкспертиза, сами понимаете, наука весьма специфическая, и в силу этой самой специфики полна неожиданных детективных поворотов, бытовых мерзостей и медицинского цинизма. Хоть написаны все истории исключительно для широкой, не медицинской аудитории, но всё же слабонервным просьба не читать – рассказы варьируют от абсолютно безобидных околomedicalных баечек до эмоциональных крайностей, затрагивающих порою весьма неприятные и табуированные темы, типа расчленённых трупов, сексуальных извращений или криминальных абортот. А тем читателям, у кого подобные вещи рвотного рефлекса не вызывают – добро пожаловать в наш мир! В мир военных клиник и закрытых институтов, гарнизонных госпиталей и полковых лазаретов, медбатот и моргов, спецлабораторий и подводных лодок.

А. Ломачинский

Андрей Ломачинский

Записки судмедэксперта

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

«... – И неимущим, и богатым,

Мы одинаково нужны, —

Сказал патологоанатом,

И вытер скальпель о штаны...»

из анонимного интернет-комментария к этим рассказам

От автора

Что делает военная медицина в военное время в общем понятно – она оказывает помощь раненым и пораженным в ходе боевых действий. И тут есть один небольшой парадокс – с позиций доктора война ведь всего лишь «травматическая эпидемия», а в эпидемию болеют одним и тем же. Такое интересует в основном узких специалистов – «врачей медицины катастроф». Здесь о масштабных катастрофах ни слова – все рассказы о военной медицине мирного времени. Понятно, что в мирное время сам термин «военная медицина» весьма условен, а в этой книге, так ещё и умышленно упрощён до повседневной медицины военврачей. Большинство случаев, которые здесь описываются, весьма банальны с чисто медицинской точки зрения. Чаще всего уникальна сама жизненная ситуация, приводящая к тому или иному медицинскому казусу. Гораздо меньшая часть историй имеет диаметрально противоположную основу – казус именно медицинский, зачастую необъяснимый с точки зрения современной науки.

И последнее замечание – даже самые простенькие ситуации в этой книге во многом рассматриваются с позиций судмедэксперта. А судмедэкспертиза, сами понимаете, наука весьма специфическая, и в силу этой самой специфики полна неожиданных детективных поворотов, бытовых мерзостей и медицинского

цинизма. Хотя написаны все истории исключительно для широкой, не медицинской аудитории, но всё же слабонервным просьба не читать – рассказы варьируют от абсолютно безобидных околomedicalских баечек до эмоциональных крайностей, затрагивающих порой весьма неприятные и табуированные темы, типа расчленённых трупов, сексуальных извращений или криминальных абортов. А тем читателям, у кого подобные вещи рвотного рефлекса не вызывают – добро пожаловать в наш мир! В мир военных клиник и закрытых институтов, гарнизонных госпиталей и полковых лазаретов, медбатов и моргов, спецлабораторий и подводных лодок.

Борщ с пивом

Заговорив о «крупногабаритных случаях», сразу вспоминаю ещё одну историю. Дело было в клинике факультетской хирургии. «Факультетка» специализировалась в основном на ургентной абдоминальной хирургии. Поясню что это такое – это когда в животе какая-то проблема, требующая немедленной операции. Ну там аппендицит, ущемлённая грыжа, или например, когда камень в желчном пузыре отток желчи закупорил, та обратным ходом в кровь пошла, а сам пузырь вот-вот порвётся. На хирургическом жаргоне всё это называется «острый живот».

В Военно-медицинской академии (сокращённо ВМА) тогда имелись свои машины «Скорой помощи», которые привозили «тематических» больных – вылавливали по всему городу случаи, попадающие под профильность клиник и необходимых для демонстрационных целей учебного процесса. Так вот, дежурный капитан-клинорд, который попал на этот вызов, буквально через минуту после осмотра больного позвонил назад в клинику, истерически требуя срочно прислать вторую машину со специальными носилками и четырёх курсантов ему в помощь. Срочно! Очень срочно, потому как остановлено движение поездов на Петроградской ветке метрополитена.

Михаил Александрович демонстрировал «острейший живот», хотя в бытовом понятии его живот был плоским, как аэродром, и зыбучим, как бархан. Эта безмерная жёлтая масса заполнила почти весь проход в вагоне остановленного поезда метро. Там, если не считать доктора, больше никого не было, а тётеньки в форме и менты отгоняли зевак, столпившихся на перроне в момент

переполнившейся станции. Сам Михаил Александрович уже не вставал, а вытащить его за руки и за ноги из вагона не смогли, как и не смогли его уместить на обычные носилки из тех, что имеются в медпункте каждой станции. Потому что при росте под метр восемьдесят вес Михаила Александровича приближался к трёмстам кило!

Михаил Александрович был домосед, любитель дивана, телевизора и книжек. Работал он дежурным электриком-цепэушником, точнее оператором центрального пульта управления (ЦПУ) на какой-то мудрёной подстанции. Из всех обязанностей ему вменялось главное – без усталости сидеть по двенадцать часов на стуле в помещении без окон перед громадным пультом с бесчисленными лампочками, и если где какая лампочка замигает или потухнет, немедленно вызвать по тому месту дежурную бригаду. Сам Михаил Александрович ничего не чинил. Оплата на этом месте была так себе, и туда никто не рвался – сидеть там было невероятно скучно, а смотреть телевизор строжайше запрещалось, поэтому дежурный электрик слушал радио и постоянно что-то жевал, чтоб скоротать время. А вот добираться на работу было без проблем – каждый день маленький автобус их подстанции, полугрузовая, полупассажирская дежурная «летучка» перед работой появлялась под окнами и услужливо сигналила, а после смены забирала Мишку домой. Впрочем не его одного – часто многих электриков так развозили. Однако если остальных часто, то его – всегда. Народ-то понимал, как тяжело их коллеге приходится! Такая вот полулегальная услуга, своего рода доплата за скуку.

В этот день случилась беда. Впервые за долгие годы работы Александрович забыл свой «тормозок»! Здоровый свёрток с котлетами, отварной картошечкой, яйцами вкрутую, бутербродами, тремя пакетами молока, а также дюжиной конфеток и кучей бубликов-сухариков, заботливо приготовленный его женой ещё с вечера, так и остался лежать в холодильнике. Вместо него Мишка прихватил кулёк сухой алебастровой штукатурки, что завалилась у него с незапамятных времён и что он по случаю обещал кому-то на работе. По инерции взял свёрток в руки и успокоился, хлопнул дверью и, тяжело отдуваясь, потопал до лифта. Жил он на третьем этаже, но лифтом, сами понимаете, пользовался всегда. А про второй свёрток, где завтрак, он же ланч, обед и полдник, как-то совсем забыл...

К середине смены, когда подошло время главного «перекуса», муки голода превратились в настоящую пытку. Мишка обшарил все ящики в ЦПУ, но не нашёл там ничего, кроме несчастной замызганной карамельки. Смокча конфетку как можно нежнее и пытаясь растянуть удовольствие, он заглянул в мусорную

корзину – вчера жена дала ему курицу и, может, там остались кости... Но нет, уборщица уже успела всё опорожнить. Ко дну прилипла маленькая скрученная шкурка от сала. Это уж точно ещё с прошлой недели. Конфетка слизалась окончательно, обдав язык прогорклым повидлом. Через секунду во рту стало совсем пусто. Мишка воровато огляделся – за открытыми дверями никого. Он запустил руку в мусорку, бережно отодрал сальную шкурку и быстро засунул её в рот. На приторный карамельный остаток горько наложился вкус солёного сала. «Дурнэ як сало без хлиба», вспомнилась ему тёщина поговорка, и тут же шкварочка соскользнула в пищевод. Голода эти находки не утолили, даже наоборот, разбудили какое-то неистовое урчание в кишках, отчего ему стало совсем невыносимо. Мишка тщательно облизал конфетный фантик и, обречённо вздохнув, опустил его в мусор.

Вообще день этот оказался удручающе гадким. К концу смены прибыла дежурная бригада, радостно объявив, что у «летучки» движок дал клина» и завтра им из Горэнерго срочно пришлют другую машину. А на сегодня вся работа отменяется. Мишкиному сменщику уже позвонили, из-за форс-мажора тот припёрся на работу раньше и наконец отпустил голодного Санюча на все четыре стороны. Мишка запыхтел паровозом и быстро, насколько позволяла его комплекция, побрёл на выход. Вообще-то он ненавидел самостоятельные поездки по городу, да и последний раз в метро спускался, пожалуй, пару лет назад. На полпути до станции одышка взяла своё, и Алексадрыч тяжело опустился на лавочку в первом попавшемся сквере. Через минуту мимо проскочил паренёк, кому он принёс алебастр. Заметил Санюча, сразу предложил зайти – пропустить по маленькой. Чего ж не зайти! С удовольствием. Мишка, словно переросток Винни Пух, сглотнул слюну. В гости это хорошо, благо идти всего до соседнего дома и пытки лестницей не будет – хата на первом этаже.

За заветной дверью вместо ожидаемых вкусных ароматов чего-нибудь жареного в нос ударил запах краски. К сожалению, жена у паренька уехала с детьми в отпуск, и тот временно холостяковал, занимаясь мелким квартирным ремонтом. Такая работа давала уважительную причину самому себе ничего не готовить – главным местом ремонта была кухня. Из всех припасов, что супруга наготовила перед отъездом, осталась одна здоровая кастрюля борща. А мужики – они ведь в таких ситуациях частенько становятся как дети – вначале съедят всё второе, потом пожрут колбасу, а первое стоит, пока не скиснет, коли никто им его не греет и на стол в тарелочке не подаёт. Короче к кастрюле борща даже хлеба нет – единственную корочку пустили на «занюх» припрятанной чекушки водки. Хозяин увидел Мишкин голодный взгляд и подзадорил: «Мих-Санюч, да ты ешь, не стесняйся! Хоть всё съешь – всё равно я этот борщ в унитаза вылью, пожалуй,

он завтра уже скиснет. Выручай, чего добру пропадать?!»

И Мишка ел. От пуза ел. Борщ был не густой, кислый, но в общем-то вкусный. Кастрюля быстро пустела. Его коллега смотрел на такое чудо и только ахал от восторга, подзадоривая его. Наконец голод отступил, Мих-Саньч наелся. Благодарный хозяин вызвался проводить Мишку до метро. Побрели неспешно, чинно. Вот уж и станция. А на пятаке перед ней – ларёк, пиво в розлив. Ну давай на прощание по кружечке. По кружечке не вышло, вышло не то по пять, не то по шесть, а может, и побольше, кто их там считал. Хорошо хоть рядом с «точкой» туалет, нужда не мучает. Простояли до закрытия – белые питерские ночи незаметно крадут вечернее время.

Наконец распрощались. Мишка поджал левой рукой живот и кое-как запустил правую руку в брючный карман. Обдавливаемая со всех сторон складками жира, рука нащупала мелочь. Фух, вот он – долгожданный пятак. Протискиваться через хищные створки Александрыч не любил. Он опустил монетку в крайний турникет, где проход шире, пропыхтел мимо вахтёра и осторожно стал на эскалатор, надёжно перегородив его для всех желающих бежать вниз. Осталось самое страшное – сойти с эскалатора. Он завистливо посмотрел на стайку молодых студентов, весело прыгающих через «гребёнку» где-то впереди. Опасная черта всё ближе и ближе. Мишка сконцентрировался и сделал критический шаг. Тело закачалось, но ничего – не упал, не потерял равновесия. Слава богу, пронесло. Заранее подгадав место, где остановится вагон, из которого ему будет ближе всего выходить на его станции, Мишка остановился, невольно морщась от удивлённых взглядов прохожих – его фигура явно привлекала внимание. Впрочем, народу на станции было немного, а вскоре подошёл поезд, в котором тоже полно пустых мест. Ну вот и проделана самая сложная часть его сегодняшнего вынужденного путешествия. Мих-Саньч уже успел пропотеть, словно на него вылили ведро воды. Он вздохнул с облегчением, прошёл в вагон и, предчувствуя как приятный холодный дерматин коснётся его липкой спины, с наслаждением плюхнулся на сиденье.

Наслаждения не получилось. Случилось нечто ужасное – как будто ему в живот вогнали кол. Острая боль пробила его. Та боль, что называют скручивающей. Он бы и скрутился, если б не его телеса. Живот грузно сверзился набок, потащив за собой всё тело. Усидеть не было сил, и Михаил Александрович упал, а тут поверх боли вдруг нахлынула такая слабость, что и на помощь не позвать. Миша захрипел, потом жалобно заскулил. Народ повыскакивал с кресел, попытался его поднять. Всё что им удалось, так это перевернуть Мишу на спину. В этом

положении ему лежать было даже тяжелее, чем на боку, его хрип перешёл в громкое сдавленное сипение пополам со свистом, как будто его тело подкачивали велосипедным насосом. Кто-то дёрнул стоп-кран, поезд завизжал тормозами, и из селектора послышался грозный голос машиниста. Уяснив, что происходит, машинист снова тронул поезд, пообещав «Скорую» на ближайшей станции.

На ближайшей станции прибежали два малохольных мента с носилками, но и они не смогли вытащить Мишу из вагона. Ситуация сложилась неприятная – стоит целая ветка, в подземном городе образуется людской затор. Поэтому и завернули туда первую попавшуюся «Скорую», на счастье, с нашим клинордом. Клинорд же оказался мужиком толковым, быстро распознал у этого гигантского толстяка «острый живот», а не стандартную проблему с сердцем. Поэтому и решил эвакуировать больного в свою родную «Факультетку».

Дополнительная помощь в виде четырёх здоровых детин в курсантской форме с раскладными НШБ-2 («носилками широкими брезентовыми» по старой военснабженческой номенклатуре) поспела буквально за минуты. Носилки в проход рядом с телом не вставали – места мало. Пришлось под него подложить обычные носилки да пару человек поставить по краям живота. Кое-как вынесли тушу из вагона и уже на перроне перевалили на НШБ. Потом на эскалаторе поставили головной конец на ступеньку, а ноги держали, попеременно сменяясь и стараясь поддерживать тело по возможности горизонтально. Хорошо хоть, что тётка выключала эскалатор, давая бригаде погрузиться и сойти. В «Скорую» тащили его вшестером, и то руки аж белели от напряжения.

Ну наконец туша в клинике. Толстенькие обычно повышенным давлением страдают, а тут низкое, и дальше падает, а пульс, наоборот растёт. Ого, вот уж зашкалил за сто тридцать! Такое обычно при кровопотере. Дежурный хирург пытается сквозь жир прощупать живот. Руки врача топнут в гигантских складках, скрываются мягких волнах жировой трясины. Наконец удаётся докопаться до брюшной стенки. Живот твёрдый, как доска. Если бы наш богатырь был раза в три полегче, он, пожалуй, завертелся бы ужом от боли, а так только пронзительно завизжал, судорожно забив кистями рук, словно выброшенный на берег кит.

Ответственный хирург морщится – клиническая картина не слишком понятная. Ну-ка давайте ему сделаем лапароцентез. Это малюсенькая операция с сугубо диагностической целью – в животе делается небольшой разрез, потом в эту

дырочку заводят крючок, им цепляют переднюю брюшную стенку и поднимают её «палаточкой». В образовавшееся пространство вводят специальный инструмент, лапароскоп, если нужно чтоб было лучше видно, то дополнительно подкачивают брюхо стерильным газом и спокойно рассматривают все органы. Можно также засунуть обычную трубочку от капельницы, подсоединить к ней шприц и взять содержимое брюшной полости на анализ. Вообще-то в норме там сухо – всякая жидкость находится исключительно внутри кишок.

Где-то в клинике нашли здоровый толстенный кусок акрилового оргстекла, больше чем метр на полтора и сантиметра три толщиной. Промыли дезраствором, протёрли спиртом, положили его на операционный стол, сверху покрыли стерильной клеёнкой и простынями, а уж потом перекатали нашего негабаритного больного. Сделали лапароцентез, подцепили брюшную стенку – крючок по самую рукоятку скрылся в жиру. Подтягивать эту массу пришлось двоим, да и то без особого успеха. Внутри почти ничего не видно. В норме на внутренних органах лежит такая кисейная сеточка с жировыми включениями – большой сальник называется. Так вот сальник у Михаила Александровича представлял собой лоснящиеся непроходимые тяжелые торосы белёсого жира, по которым бежала реденькая паутинка кровеносных сосудов. Дали в брюхо газ на максимум. Где-то по самому краю сальника появилась полоска жидкости. Попробовали отсосать шприцом пару миллилитров. Странная жидкость – красноватая, мутная. Поставили больному предварительный диагноз «прободная язва желудка», быстренько погружаем в наркоз и идём уже на настоящую лапаротомию – операцию, где широко вскрывается передняя брюшная стенка ровно по срединной линии живота.

Подошёл анестезиолог с клинком-ларингоскопом. Сестра-анестезистка пустила по вене наркотик, больной обмяк, теперь надо быстро засунуть ему в трахею трубку, а потом специальными лекарствами-миорелаксантами отключить мышечный тонус и сразу же подсоединить к аппарату искусственной вентиляции. Человек буквально парализован и сам дышать уже не может, воздух в его лёгкие будет подавать машина. Зато ничто не будет мешать хирургу работать. Легко сказать быстро – у этого пациента и второй, и третий подбородочки имеются, и каждый потяжелей хорошей ягодицы будет, да и шея какая грациозная – как у самого породистого борова на пике откорма. Такое едва гнётся и к быстрой работе не располагает. А сам жир! Жир – это депо для большинства лекарств. Не добавь наркотика – умрёт человек от болевого шока, переборщи – умрёт от передозировки. Нужную дозу обычно считают исходя из веса тела. Нормального тела. А тут 70 % жира. Он в силу своей химико-биологической природы поглощает лекарства, как губка, а потом долго отдаёт

их. Грань между «очень мало» и «передозом» становится весьма зыбкой, расплывчатой. И чем неясней эта грань, тем нервней анестезиолог. Он играет желваками, стучит зубами и вместо строгих и понятных схем начинает рассчитывать только на собственную интуицию. Ну вот наконец наркоз дан, аппарат работает... Ребята, поехали!

Поначалу ведущим хирургом к столу встал подполковник Федоткин, личность истероидная, осыпающая всех и вся какой-то нарочитой квазиинтеллигентностью.словно молитву прочёл собравшимся вокруг курсантам лекцию о том, что во всяком теле необходимо видеть свою скрытую красоту. Хирургические маски скрывают выражение лица, но слышно, что курсанты за спиной двусмысленно захихикали. Федоткин неуверенно полоснул скальпелем по операционному полю. Рана моментально развалилась, обнажив ярко-жёлтые, словно гранулированные, края мощнейшего подкожного жира. На редкие сосудики наложили зажимы, и хирург полоснул ещё раз. Никакой «анатомии» не возникло – просто жёлтый овраг заметно углубился. Руки подполковника скрылись в ране и неуверенно пошарили по дну – везде монотонный подкожный жир. Федоткин промямлил нечто жалобно-несуразное и опять резанул тело. Эффект тот же – жир! Федоткин поднял руки: «Случай тяжёлый, позовите профессора!» Курсанты опять захихикали.

Пришёл профессор. Оценил обстановку: «Да, случай тяжёлый в прямом и переносном смысле. Рану прикройте стерильным – я моюсь и продолжу. Вы станете в ассистенты!» Через пару минут курсанты почтительно расступились. Капая первымуром на пол, профессор быстро прошествовал к операционной сестре, вытерся стерильным полотенцем, принял халат на плечи, сунул руки в подставленные перчатки. Кто-то услужливо завязал пояс, кто-то поправил ему очки. Шаг к столу – и операция понеслась с невиданной скоростью.

Вот уж видна белая линия живота – прочное сухожилие, что разделяет брюшную стенку на симметричные половинки. Этот апоневроз вскрывается буквально одним движением, словно это не профессор медицины, а скрипач на сольном концерте. Руки ассистентов сдвигают тяжелый пласт сальника и под ним появляется... Борщ!!! Точнее, плавающие в борще кишки, а по операционной тут же разносится мощный запах пива. Кто-то из курсантов растерянно бормочет: «Жигулёвское, поди...» Профессор недовольно бросает: «Это кто тут такой знаток», – и на болтуна дружно зашипели. Всех сейчас больше волнует не сорт пива, а сама причина нахождения этого винегрета в брюшной полости. Неужели и вправду прободная язва, где в желудочной стенке образуется свищ, через

который изливается содержимое? Нет, всё проще.

При ревизии желудка никакой язвы не нашли. Желудочек был, правда, что надо! Объём нормального желудка около литра, ну полтора. Этот же куда более трёх. Бурдюк, а не желудок! На человека, прошедшего курс нормальной анатомии, такой производит впечатление, пусть даже пустой. И на передней стенке этого «вместилища» где-то сантиметрах в пяти от малой кривизны находился огромный, в ладонь, РАЗРЫВ! Заполненный до отказа борщом и пивом желудок элементарно лопнул, когда Михаил Александрович плюхнулся на сиденье в метро.

Разрыв ушили, брюхо промыли от борща. Потом долго боролись с инфекционными осложнениями. Но выжил наш гигант. За долгий и мучительный послеоперационный период даже весу порядочно сбросил – перед выпиской на нём громадными лопухами висела излишняя кожа. Здесь, правда, начкаф[1 - Начальник кафедры.] один секретик сотворил – ушил он нашему толстячку желудок весьма хитро, так что от трёхлитрового бурдюка остался маленький мешочек с кулачок. Хочешь, не хочешь, а всю оставшуюся жизнь ему максимум по полмиски супчика кушать придётся – больше за раз не влезет. Самое радикальное средство от ожирения. Тут бы и позубоскалить насчёт неумеренного обжорства, да не получается. Болезнь это. Нельзя обжорство списывать исключительно на личную распущенность, хоть таковая и важнейший фактор. Тут и генетика, и психология тоже свою роль играют.

На самой милой кафедре академии – кафедре детских болезней – довелось нам видеть такую картину: железную решетку: и плачущих за ней детишек. Плачущих от голода. Потому как эта мирная кафедра делала большую военную науку – изучала влияние того самого питания на становление армейского призывника. Ведь каждый солдат когда-то был ребёнком. А то, что иные будут негодны к призыву, становится порой ясно уже в весьма раннем возрасте. Или ограниченно годны: то, что вырастает из таких детей, солдатом можно назвать только в издёвку – ни отжаться, ни пробежать, ни подтянуться не могут! При том, что ничем не больны. Единственная причина их инвалидности – лишний вес. Вот и создали специальное отделение, где пытались таких детишек лечить. Мы приходили на кафедру и слышали голодный плач упитанных восьмидесятикилограммовых крепышей, что тянули к нам из-за решётки ручки с мольбами: «Солдатик, дай конфетку». А решётка в этом деле совершенно необходима, чтобы сердобольные детки из других отделений им свои печенки не отдавали. «Крепышам» же маминих передач не дозволялось, да и самих мам

старались в это отделение не часто допускать – ведь пытка голодом, пусть даже частичным, для матери порой куда тяжелее, чем для ребёнка.

В сталинское время таких практически не было, появились они под закат хрущёвской эпохи, в брежневское время обозначились как проблема, а после перестройки словно плотину прорвало. Излишний вес сейчас у каждого пятого россиянина, пусть и не до такого экстрима, как у Михаила Александровича. Поэтому хочется дать всем мамам один такой простенький совет – в 99 % случаев, если ваш ребёнок не доел, не заставляйте! Большую этим пользу ему сделаете. «Кушай хорошо, вырастишь большой» – это палка о двух концах. Вырастишь большой в любом случае, но если очень хорошо кушать, то запросто можно вырасти очень большим. Ведь несознательно взрослые частенько меряют детские порции исходя не из потребностей своих чад, а исключительно из собственного представления о таковых. Кошунственно это или нет, но живём мы в век продуктового изобилия, а поэтому пока этот век длится, то место несъеденной каши в помойном ведре, а не в желудке. Ведь количество липоцитов (жировых клеток) закладывается до пяти лет, а всю остальную жизнь мы лишь меняем их качество, усиленно накачивая туда жир. Вот когда таких клеток много, да ещё и заполнены они под завязку, и получаются трёхцентнеровые мих-саньчи с рисками лопнуть, всего лишь присевши в метро.

Мой ласковый и нежный зверь

Вообще-то зоофилия распространена гораздо шире, чем об этом говорят или пишут. А ведь всё потому, что говорят об этом те, кто сам подобным не занимается. Те же, кто страдает этой половой перверсией, о ней молчат. Полное табу! Отсюда почти все сведения о зоофилах случайны. И вот ведь какая интересная закономерность – о зоофилах узнают в первую очередь не психиатры, коим вроде по роду деятельности с таким явлением дело иметь, а врачи неотложек и urgentные хирурги. Потому как животному трудно объяснить правила поведения, а человеческий организм хрупок. Особенно у девушек. Ещё одно заблуждение – считается, что зоофилией страдают в основном мужчины. Это верно лишь с «технической» точки зрения – мужчине легче совершить половой контакт с самкой, пусть даже насильно, чем женщине возбудить самца не родственного нам вида. Тут ведь насильно не получится. Но чуден свет, а дела людей, живущих в нём, ещё чуднее.

Эта история произошла в маленьком гарнизонном госпитале в районе посёлка Угулан, что на побережье Охотского моря. Впрочем, близость там относительна – от части до Угулана ещё ехать порядочно. Места там малолюдные, и поэтому военным медикам часто приходится оказывать помощь гражданскому населению. И вот в один прекрасный день заезжает во двор госпиталя виды выдавший «зиллок» из местного рыбпромхоза. В кузове грузовика набросано соломы, а поверх лежит девушка без сознания. Рядом – мать и подруга. Спрашивают, что случилось, мать ничего не знает. Лицо в полнейшей растерянности, похоже действительно для неё случившееся полная неожиданность. Подруга тоже молчит, только отчего-то жмётся к стенке. По поджатым губкам и бегаящим глазкам создаётся впечатление, что не всё так чисто – похоже что-то она всё же скрывает.

Сняли девушку, положили на каталку, отвезли в приёмный покой госпиталя. Там полностью раздели, подошли хирург, терапевт, реаниматолог... И тут замечают, что на простынке, какой была покрыта та каталка, красное пятно. Откуда? Да между ног. Госпиталь малюсенький, нету там в штате гинеколога. Ближайший за триста вёрст, в Магадане. Придётся самим. А гинеколог оказался и не нужен – кровь из заднего прохода сочилась. Небольшой разрыв на анусе. Пока реаниматолог устанавливал систему для внутривенных вливаний, хирург быстро пальцевое исследование заднего прохода провёл. И обнаружил там сперму. Эге, вот какое дело! Изнасилованием с извращённым половым актом и причинением тяжких телесных повреждений такое называется. Статья 117, а учитывая возраст потерпевшей (несовершеннолетняя), то ещё и 119. Впрочем, выглядит вполне половозрелой. Кто же это мог быть. Беглые эки, бичи, старатели, залётные гастролёры? Местные – рыбаки да охотники – на такое не пойдут, нравы Севера строгие. А может, это наши солдаты постарались? Но рассуждать некогда – похоже повреждения внутренних органов серьёзные, срочно девушку на стол. Едва догадались стерильными тампонами смазы из заднего прохода и влагилица взять. И, на счастье, фельдшер, что у них за лабораторию отвечал, дельный попался. Перед тем как положить этот материал в пробирки и поставить в холодильник, он тампонами мазнул по стёклышкам для микроскопии. Подписал, что откуда – получились готовые микропрепараты, разве что не покрашенные. Вот молодчина, здорово помог следствию! Места глухие, следовательно придётся на вертолёте сюда лететь. Поди знай, когда он явится, а тут ещё и погода нелётная.

Когда разрезали живот, то сразу по всей операционной завоняло фекалиями. Среди розовых кишок прятались коричневые колбаски – самая мерзкая находка для хирурга. Без разрыва кишечника такое в брюшную полость не попадёт.

Причину нашли быстро – ректальная ампула, самый последний участок прямой кишки, разорвана по длине. Края раны рваные – явно такое возможно только в одном случае, если в задний проход забить что-то твёрдое, например палку. Да, настоящий садизм... Хирурги рассуждают, а их руки тем временем ловко вылавливают вышедшие из разрыва фекальные массы и бросают их в стоящий подле стола тазик на треноге. Вонь так и лезет под маски. Вот наконец последний кусок. Подбежавший санитар сразу уносит таз, воздух в операционной становится чище.

Меняются халаты и перчатки, кто-то по-быстрому пошёл перемыться – измазавшись в дерьме, стерильности, понятно, никакой. Теперь начинается самое сложное. Нет, не ушивание ампулы прямой кишки. Это тоже весьма мудрёная процедура, требующая хорошей сноровки, твёрдых знаний и навыков. Но не от этого разрыва исходит главная опасность. Каловый перитонит, или воспаление брюшины, обсеменённой микрофлорой фекалий, вот это враг номер один. Вначале заполнили брюшную полость физраствором, «прополоскали» в нём кишки, потом электроотсосом откачали. Затем залили раствором фурацилина, постарались промыть каждый закуток брюшной полости. Но удалить таким образом бактерии невозможно. Можно только уменьшить их количество, но всё равно останутся в брюхе миллиарды кишечных палочек да всяких пептококков. До начала эры антибиотиков каловый перитонит означал смерть. Теперь же есть надежда, правда, далеко не стопроцентная.

К сожалению, надежда на антибиотики не оправдалась. Разлитой каловый перитонит цвёл пышным цветом, не обращая внимания на самые сильные дозы новейших лекарств. Брюшную стенку в таких случаях даже полностью не зашивают. Повторные промывания бактерицидными средами, дренажи и трубки, через которые внутрь брюха подавались растворы и оттекало гнойное содержимое, тоже особого эффекта не имели.

Девушка умерла, не приходя в сознание, как раз когда прилетел следователь. Он и отправил вертолёт назад с телом умершей, двумя пробирочками и теми лабораторными стёклами, что были взяты в первые минуты при поступлении. Понятно, что отправил он это областному судмедэксперту. Вскрытие трупа мало чего дало – прошло много времени с момента предполагаемого изнасилования, а ушитая рана изменила свои очертания. Можно, конечно, хирургические нитки снять и попробовать восстановить края на момент травмы, но и это почти бесполезно. Лучше воспользоваться описанием самих хирургов. Травмирующий объект должен был быть твёрдым и скорее всего с коническим, но не острым

концом. Впрочем, теперь это всё гадания. Из сопутствующих повреждений только небольшая ссадинка и синяк на спине. Повреждений в паховой области и на внутренней стороне бёдер никаких – очень странно для столь садистского изнасилования. Об этом и записали в протоколе.

Дошло дело до мазков. Покрасили стандартными гематоксилин-эозином. Теперь можно и под микроскоп. Влагалищный мазок пустой. А вот в ректальном точно сперма, да ещё какая – сперматозоидов навалом. Правда они чуть-чуть странные. Головка нормального сперматозоида прокрашивается немного неравномерно – передний конец более светлый. А эти тёмные... Потом, пропорции несколько иные. Опять же – едва заметная разница в соотношении размеров головки и среднего участка – небольшого утолщения, переходящего в хвост. Но известно же, что около четверти спермиков в обычной сперме здоровых мужиков имеют те или иные дегенеративные признаки или абнормальные формы. Списал судмедэксперт свои догадки на индивидуальные различия конкретного индивида и значения им не придал. А зря... золотое правило патогистологии – сомневаешься, положи для сравнения рядом контрольный препарат с нормальным образцом и сравни. Нашлось бы ещё кое-что интересное, например разница в размерах.

Тем временем следователь вплотную занялся подружкой потерпевшей. Кстати, подруг звали Лена и Надя. Лена в морге, а Надя показания даёт. Вначале отнекивалась, мол, не знаю ничего, а потом разрыдалась и рассказала, как было дело. Не было никакого изнасилования. Была странная девичья забава, кончившаяся так неожиданно и страшно.

Подруги приезжали в поселок только летом, на каникулах. В остальное время они жили порознь – Лена в Магадане, Надя в Охотске, где учились в профтехучилище и десятилетке-интернате. Были они одноклассники, и исполнилось им по шестнадцать лет. Отец Лены работал зоотехником в свиноматке. Несмотря на то что главным делом посёлка было рыболовство, местный рыбпромхоз имел небольшое подсобное хозяйство, где выращивал мясо для своих рабочих. Свиноматка был маленьким, и по штату, да и то неофициальному, работал там лишь один зоотехник. Летом, когда путина и все в море, в посёлке скукота. Вот и пошли девушки помочь отцу в свиноматку. А у того ответственный день был – он свиноматок до хряков подпускал. Девчонкам на такое смотреть он не разрешал, но те всё равно что надо увидели во всех деталях – залезли на чердак да залегли в соломе. Вот загнал папаша свинку к хряку, тот взгромоздился, но попасть куда надо не может. Отец хватает хряка за детородный орган и суёт его

по назначению. Истошный визг свиноматки, довольное повизгивание хрячка – дело сделано. Закончив с осеменением, батя достал початую бутылочку беленькой, хлебнул из горлышка за будущий приплод, а потом ушёл в посёлок. На сегодня ему здесь делать нечего.

Девушки долго лежали на соломе в вонючем свинарнике, смачно обсуждая увиденное и возбуждая друг друга рассказами о своих половых связях «на большой земле». Потом решили спуститься и самим попробовать провести осеменение – уж очень им понравился вид трахающихся свиней. Впустили хрюшку к хряку, картинка повторилась, и опять хряк попасть не может... Тогда Лена набралась смелости, схватила хряка за член, и точно так же, как делал её отец, направила его. От этого прикосновения её тело аж вздрогнуло от разлившегося возбуждения. Дождавшись конца случки и разогнав свиней по клетухам, девушки пошли в посёлок по домам. На полпути Лена сказала, что второпях забыла в свинарнике часы, пусть подруга идёт одна, а ей надо срочно вернуться. Ведь если их найдёт отец, то могут быть лишние вопросы... Логично. Так девушки и расстались.

Вечером в дом к Наде постучалась мать Лены – оказывается, та ещё с утра ушла да так и не появлялась. Наде что-то подсказало, что поиски надо начинать со свинарника. Но в свинарнике Лены тоже не оказалось. Правда, самый стройный и молоденький хрячок свободно разгуливал меж клетухов, а дверка в его загончике оказалась настежь открытой. На сетке, огораживающей клетух, висела Ленкина кофта, а на столике, где её отец-зоотехник вёл журнал по уходу за своим свинским хозяйством, лежали трусики и колготки.

Лену нашли у ручья за свинарником. Та лежала у воды без сознания. Мать осталась с дочерью, а Надя побежала в промхоз за машиной. Девушку отвезли в госпиталь, а дальше товарищ следователь и сам всё знает. На вопрос, кто же изнасиловал Лену, Надя отвечает просто – вот тот хряк и изнасиловал.

Рассмеялся следователь от такой версии. Свиньи людей не насилуют. Кусают, грызут, даже, бывало, полностью съедают, но не насилуют. Вариант отпадает, как полностью бредовый. Но как бы там ни было, за неимением никаких улик и других подозреваемых надо эту бредятину отместить научно. Следак звонит судмедэксперту и задаёт ему глупый, казалось бы, вопрос: «Слушай, док, а случаи женской зоофилии со свиньями в науке описаны?» Оказывается, описаны, пусть как и казуистика. Причём и исходы такого сожительства известны – очень

часто подобные амурные дела заканчиваются серьёзной травмой, в основном от копыт животного. Свинья в три раза тяжелее и намного сильнее человека. Но встречается и более специфическая травма – промежностные разрывы. Дело в том, что член у *Sus scrofa*[2 - Домашнего кабана (лат.)] закручен на манер штопора, а головка заострена. Кроме кавернозных тел и спонгиозных хрящей в физиологии спаривания свиней большую роль играют специальные мышцы по бокам пениса. С одной стороны, чаще всего справа, они гораздо сильнее развиты, чем с другой. Поэтому во время полового акта кабаний член действительно подобен штопору – он с силой вкручивается в свиноматку, словно гигантский шуруп. Да и топографическая анатомия *Homo* и *Suidea*[3 - Людей и свиней (лат.)] довольно разная. Если представить себе женщину в роли свиноматки, то очень вероятно, что такое оружие попадёт чуть выше – в женский задний проход, и тогда разрыв прямой кишки гарантирован.

Ну что ж, оказывается, версия не так уж и глупа, как казалось ранее. Дело за малым – проверить серологическим методом, а чья же сперма? Антигены не врут. К великому изумлению Ленкиных родственников и вообще всех, кто её знал, дело о садистском изнасиловании со смертельным исходом было закрыто из-за отсутствия состава преступления. Её смерть пусть редкий, но несчастный случай при совершении полового акта по обоюдному согласию. Иммунология подтвердила – сперма оказалась свиной. А вот как там уж дело обстояло... В смысле какие ласки да какие позы, остаётся только гадать.

Сливное отверстие

В продолжение темы о молодых забавах, кончающихся промежностной травмой со смертельным исходом, правда, без сексуального мотива, можно рассказать и этот случай. Где-то на Охте, недалеко от знаменитого Металлического завода, стояла старая водонапорная башня. Находилась она в стороне от заводских корпусов, и проход к ней был относительно свободный – огораживал её лишь невысокий забор с дыркой. Видать, эта водонапорная башня была какого-то допотопного проекта – вместо герметичной ёмкости в ней на пятнадцатиметровой высоте находился обложенный старинным кафелем резервуар по типу крытого бассейна. Не очень большой – в диаметре метров пять, а глубиной метра полтора. Сбоку в этот бассейн шла труба для подачи

воды, а в его днище находилось сливное отверстие.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Начальник кафедры.

2

Домашнего кабана (лат.).

3

Людей и свиней (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/lomachinskiy_andrey/zapiski-sudmedeksperta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)